

Мне и моим товарищам

1918 год... Антрепренер Столин уволил двух рабочих сцены, и я вместе с одним из актеров читинского театра пикетирую кассу. В руках у нас плакаты, призывающий зрителей не покупать билетов. Теперь уже не помню, кто был второй в пикете, почему мы, актеры, возмущенные антрепренером, не объявили забастовки? Может быть, боялись нарушить условия договора?

Вероятно, года два спустя я бы поговорил с этим Столиным иначе. Явился бы в форме Народно-революционной армии, грохнул кулаком по столу, и конфликт был бы улажен... Однако и в этом я не уверен: и два года спустя были мы еще слишком робки, мало знали и мало умели — провинциальные актеры.

Мой отец был рабочим на золотых приисках. С 12 лет я помогал ему. Тонны песка перемыл еще мальчишкой. Похоже, что отцу вскоре «подфартило». Как иначе мог он отдать меня в ученье? Вот тогда в Чите, в 1915-м, я заглянул впервые в театр и сразу же прикипел к нему душой. Был счастлив, что взяли статистом, без копейки оплаты. А три года спустя был зачислен в штат первого советского театра. Несмотря на название, был он по укладу жизни во многом еще дореволюционным. Два новых спектакля еженедельно. О том, чтобы выучить роль, нет и речи. Понять связь героя с жизнью — тем более. А главное, ни капли времени, чтобы оглядеться по сторонам, понять, что происходит в обществе, вокруг тебя.

На первых порах мне помогла Красная Армия. По причине моей грамотности и рабочего происхождения командование доверило мне пост начальника отделения по учету лошадей. Сейчас это вызывает улыбку, но тогда лошадь была главным видом транспорта и требовала большой ответственности и много времени. И я был здорово удивлен, что командование разрешило мне продолжать работу актера. Более того, я мог даже посещать театральные курсы, которыми руководил будущий народный артист СССР К. Зубов.

Признаться, такое сочувствие к творческим планам военнослужащего я тогда отнес просто к счастливым случаям. Но в 1923 году, когда Дальний Восток был уже освобожден от интервентов и белогвардейцев и Народно-революционная армия Дальневосточной республики стала частью Красной Армии, я оказался в числе командиров, которых решено было оставить в кадрах. Я же просил отпустить меня в театр. Партия

уже тогда видела в театре свое важнейшее оружие, и поэтому моя судьба была решена так, как я этого хотел.

И все-таки подлинную школу жизни, школу, научившую меня понимать и замыслы партии, и роль актера в становлении нового общества, мне еще предстояло пройти. Классы этой школы начались для меня в Приморье, когда я поступил в передвижной драматический театр дальневосточных железнодорожников. В купе площадью около четырех квадратных метров вдвоем с женой мы косячили по городам и станциям Дальнего Востока и Восточной Сибири, превращаясь в огромную строительную площадку. На 23 года занялось это путешествие в глубь жизни, в глубь народных масс, поднятых партией на строительство нового, небывалого в истории общества.

...Начало 30-х годов. Станция Магдагачи в Забайкалье. На клубе, куда мы только что приехали выступать, объявление: «На станцию прибывает состав с углем. Приглашаются все на разгрузку. Принимающим участие будут проданы билеты на театр дорпрофсожа вне очереди!»

— Видели? — обрадовался один из наших актеров. — Вот как мы котируемся!

Но я подумал, что у этого объявления двойной смысл. Не только тот, что нами привлекают на выгрузку угля, но и поднимают цену искусства. Объявление внушает людям, прежде не знавшим театра, что это хорошо и интересно и ради удовольствия побывать на спектакле стоит потрудиться. Кто-то мудрый позаботился не только об угле, о людях, которых надо было приобщить к театру. Это был рабочий, секретарь местной партийной ячейки.

Стоит ли удивляться тому, что я уже тогда, не будучи членом партии, с особым интересом вглядывался в таких людей и с особой радостью и ответственностью брался за роли передовых рабочих-коммунистов, секретарей партийных комитетов, военных комиссаров?

Сейчас, оглядываясь на те годы, я отчетливо понимаю, сколько воспитательной мудрости было проявлено партией в отношении к нам, артистам. И, по-моему, самая большая мудрость заключалась в том, что она постоянно приобщала нас к своим трудным делам, заботам, делала нас подлинными соучастниками всех своих дел.

Кто жил на Дальнем Востоке, тот знает, какими грозными, пахнувшими порохом были там тридцатые годы. Ведь очень многие думали тогда,

что большая война начнется здесь, на Дальнем Востоке. И театр оказался в самой гуще этих тревог и забот. Одна из фотографий в моем архиве напоминает мне об этом времени. Она сделана в дивизии, принявшей участие в боях у озера Хасан. В центре снимка среди бойцов и артистов — командир дивизии, тогда полковник, а позже прославленный командарм, первый советский комендант Берлина — Николай Эрастович Берзарин.

Не могу в этой же связи не вспомнить и другую встречу, уже 1945 года. Спектакль для командиров, собравшихся на какое-то совещание в одном из пограничных поселков края, начался в четыре часа утра, а кончился в семь. Когда смолкли аплодисменты, к нам за кулисы поднялись прославленные военачальники Родион Яковлевич Малиновский и Михаил Сергеевич Калинин. Они извинились, что спектакль пришлось начать так поздно, поблагодарили за игру актеров и сказали, что представление это можно считать историческим. А через несколько дней началось наступление наших войск на Квантунскую армию, последний акт Великой Отечественной войны.

В тот раз я был представлен нашим полководцам уже не просто как актер Попов, но как партгор своего театра. В партию я вступил в самые первые дни войны. Коммунисты театра не раз выбирали меня секретарем своей партийной организации. Несколько созывов я был депутатом Владивостокского городского и Приморского краевого Советов депутатов трудящихся. Постоянно чувствую себя впрямую причастным ко всем делам городской и краевой партийных организаций, к тому, как чудесно за эти годы изменился Владивосток, весь наш край.

Мой труд актера высоко оценен партией, правительством. Я удостоен звания народного артиста республики, награжден пятью правительственными наградами, в числе которых бесконечно дорогой мне орден Октябрьской Революции. Но самая большая, самая главная награда, врученная мне Родиной, — это право и возможность быть причастным ко всем ее делам.

Провинциальный актер, вечно кочующий по стране, не имевший возможности вжиться ни в одну среду, человек для всех и одновременно ничей, он стал сейчас гражданином, почувствовал особый вкус общественного деяния, почувствовал себя нужным для решения самых высоких исторических задач. Вот что дали прошедшие 60 лет моей древней профессии, мне и моим товарищам актерам.

П. ПОПОВ,

народный артист РСФСР, секретарь партийной организации Приморского краевого драматического театра им. М. Горького.

ВЛАДИВОСТОК.